

другое, мощныя вучні атрымаюць магчымасць праявіць і развіць свае веды, уменні, навыкі і здольнасці на ўзроўні, які вышэйшы за базавы. Патрэбна, дзеці навучацца аб'ектыўна ацэньваць свой узровень падрыхтаванасці па беларускай і рускай мове. Па-чацвёртае, слабыя вучні не будуць адчуваць псіхалагічнага дыскамфорту з-за таго, што не разумеюць матэрыял, а мощныя – з-за таго, што ім нецікава на ўроку.

#### *Літаратура*

1. Савко, И. Э. Русский язык. Фонетика, орфоэпия, морфемика, словообразование, лексикология, фразеология, орфография : разноуровневые задания для подготовки к тестированию и олимпиадам / И. Э. Савко. – Минск, 2014.
2. Савко, И. Э. Русский язык. Морфология, орфография : разноуровневые задания для подготовки к тестированию и олимпиадам / И. Э. Савко. – Минск, 2012.
3. Савко, И. Э. Русский язык. Синтаксис, пунктуация : разноуровневые задания для подготовки к тестированию и олимпиадам / И. Э. Савко – Минск, 2012.
4. Савко, И. Э. Русский язык : разноуровневые тематические тесты и комплексные работы на основе текста: 5–11 классы / И. Э. Савко. – Минск, 2016.

*Веклана Стародубец*

### **“РУССКИЙ ДУХ” В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Номинация в устной и письменной коммуникации многообразна, при этом одним из актуальных способов является составное наименование.

Составные наименования, как известно, квалифицируют по-разному: 1) как фразеологическую единицу (В. В. Виноградов, В. А. Архангельский, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, П. И. Ройзензон, Н. М. Шанский); 2) как нефразеологическую единицу (Б. А. Ларин, А. М. Бабкин, А. Н. Кожин, А. И. Молотков, В. М. Мокишчэнко); 3) как промежуточную единицу между фразеологизмами и свободными словосочетаниями (С. И. Ожегов и др.).

Очевидно, что значительная часть ученых отмечают неидеоматичность составных наименований и в связи с этим выводят их за пределы фразеологических словосочетаний. Другие исследователи рассматривают составные наименования в составе синлексики, которая изучает “пласт композитивных по структуре, устойчивых по составу и порядку следования лексических элементов номинативных единиц языка, <...> экспрессивно-стилистически нейтральных по выполняемой ничем не осложненной номинативной функции и по отношению к одному отдельному природному или социокультурному факту эквивалентных одному слову” [1, с. 18].

Мы рассматриваем составные наименования как устойчивые лексикализованные словосочетания нефразеологического типа, как результат вторичного номинирования (*духовная интуиция, духовная культура, культурное правосознание, религиозный предмет, русская идея* и др.) либо как результат вторичного дефинирования (*русское правосознание, русская совесть, русское сердце* и др.) [6, с. 100–106].

К примеру, на наш взгляд, необходимо дифференцировать: составное наименование, как то: *русская культура, русское оружие, русские сапоги, русская печь, русская рубаха* (ср.: во “Фразеологическом словаре русского языка” (сост. А. Н. Тихонов и др.) три последние языковые единицы зафиксированы как фразеологизмы [7, с. 247]), – и фразеологизм – “*русский дух*”.

Фразеологическое сочетание “*русский дух*” встречается в лексикографических источниках начиная с конца XIX века. Впервые это словосочетание было включено в работу М. И. Михельсона “Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний” 1896–1912 г. Автор приводит пример употребления сочетания “*русский дух*” в произведениях Н. А. Некрасова “Дружеская переписка. Петербургское послание” и А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”. М. И. Михельсон фиксирует лексическое значение фразеологизма – “высоконравственное состояние русского народа” [2].

В современной лексикографии, в частности, в “Большом словаре русских поговорок” под редакцией В. М. Мокленко фразеологизм “*русский дух*” определен следующим образом: “**Русский дух.** *Народн.* То, что составляет русский народный характер, духовную суть русской нации” [3, с. 209].

В НКРЯ фразеологизм “*русский дух*” встречается в основном корпусе русского языка в 126 документах, в 157 вхождениях [5]. Сфера функционирования “*русский дух*” представлена следующим образом.

**Таблица 1**

<b>Сфера функционирования</b>	<b>Документы</b>	<b>Словоформы</b>
Нехудожественная публицистика	66	81
Художественная публицистика	45	60
Учебно-научная литература	8	9
Бытовая сфера употребления	4	4
Сфера электронных коммуникаций	2	2
Церковно-богословская	1	1

Проанализируем смысловое поле фразеологизма, опираясь на данные НКРЯ.

В работе Сергея Смирнова “Русский Гамлет” “*русский дух*” имеет значение “особая понятийная не философская категория”: “Россия, “*русский дух*”, “русская идея” – не предмет философии” (Сергей Смирнов. Русский Гамлет // “Знание – сила”, 2006). В данном контексте имплицирована связь с прецедентным текстом “Умом Россию не понять...”

Базовой составляющей смыслового поля фразеологизма являются семантические компоненты “религиозность”, “духовность”, “особенный Свет / свет”: “Это отличие, тысячу лет определявшее русскую душу, остаётся навеки; никакая “уния”, никакое “католичество восточного обряда”, ни-

какое протестантское миссионерство – не переделает православную душу. Весь *русский дух* и уклад оправославлены” (И. А. Ильин. Что дало России Православное Христианство (1938)); “И авторы книги стараются воспринимать как единое целое русский народ, русскую душу и, на высшем уровне, *русский дух*, который питается православием” (Коллективный. XX век в истории России. Круглый стол “Журнала Московской Патриархии” // Журнал Московской Патриархии, 2010, № 2); “А то, что был он талант стихийный, глубоко национальный, *русский дух* в нём был, свет особый, – невозможно никак оспорить” (В. Д. Алейников. Тадзимас, 2002).

В контексте “*Русский “дух духовности”* и гуманизма жив в ней, да и как не жить, если все на нём были воспитаны и им пропитаны?” (Б. К. Зайцев Изгнание (1971)) эксплицирована соотнесённость опорного компонента духа с ядерной составляющей смыслового поля – “духовностью”.

Необходимо отметить, что семантические компоненты “религиозность”, “духовность”, “особенный Свет / свет” могут быть вариантно реализованы в идеологии старообрядчества: “Существует “*некий русский дух*”, неизменный и лучше всего воплощённый в старообрядчестве” (А. Д. Шмеман. Дневники (1973–1983)).

В статье “Народная армия и герои” автор оставляет силу “*русского духа*” с мощью немецкой техники: “...а петуху и образ героев выстраивался так, чтобы подчеркнуть моральное превосходство: *русский дух* сильнее немецкой техники” (Константин Пехалок. Народная армия и герои // “Эксперт”, 2014). В приведённом слогоупотреблении реализована стереотипная часть семантики, приведённая в лексикографических источниках.

Отмечаем, что для представителей русской эмиграции “*русский дух*” обязательно спроецировано на *русский язык*: “В семье Волконских царил *русский дух*, все члены семьи говорили на *русском языке* и мечтали вернуться “домой” (Виктор Астафьев. Зрячий посох. (1978–1982)).

В дискуссиях об искусстве составное наименование “*русский дух*” употребляется в значении – “исключительная эмоциональность и редкий аскетизм”. Например, в контексте коллективного полилога “Бокал боржома за успех”: “А что такое *русский дух*? Русская скоморошина и горская этика” (Коллективный. Бокал боржома за успех! // “Родина”, 2008).

В статье журнала “Строительство” “От небоскребов до русской избы” “*русский дух*” употребляется в значении “индивидуальный духовный стиль”: “Так создайте свой стиль для дома, в котором будет *свой русский дух*” (От небоскребов до русской избы // “Строительство”, 25.10.2004).

В художественной публицистике современности лексическое значение фразеологизма “*русский дух*” в единичных случаях реализует и пейоративную оценочность. Например, в работе Алёны Браво, жительницы Беларуси, описывающей постсоветский период, “*русский дух*” – “высокомерный, презрительный стиль общения”: “Рассчитываются обычно про-

дуктами, и я ощущаю крепкий “*русский дух*”, когда откормленные, доброкачественные советские женщины презрительно пихают пачку рафинада или банку тушенки тощей, как подросток!” (Алёна Браво. Комендантский час для ласточек // “Сибирские огни”, 2012).

В романе Сергея Осипова “Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен” “*русский дух*” имеет лексическое значение “зловонный запах / бескультурный, безнравственный стиль жизни”: “Это и есть тот самый *русский дух*, и он лучше всего сохраняется в подъездах, где наср..., насс... и наблè..., а по ночам поют похабные песни!” (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен, 1998).

Имеет место и значение “низкопоклонство перед Западом”: “Сверху – пятна псевдомодного британского гитарного звука, снизу – неизбывный пресный *русский дух* ученичества и низкопоклонства перед западными первообразцами” (Алексей Крижевский. Будь ты хоть БГ. Музыка (2002) // “Известия”, 08.08.2002).

Следует учитывать, что фразеологизм “*русский дух*” может быть употреблён в двух оценочных значениях одновременно т. е. амбивалентно: “В эпоху всеславянского единения и православных идей пить рябиновую весьма патриотично. Знаменует *русский дух*. При выходе особливо” (Борис Васильев. Были небыли. Книга 1 (1988)).

Констатируем, что наиболее продуктивным является значение “непобедимая высокопатриотическая внутренняя моральная сила русского народа”.

В газетном корпусе составное наименование “*русский дух*” зафиксировано в 79 документах, в 94 вхождениях.

Наиболее продуктивно также лексическое значение “непобедимая, бесстрашная, высокопатриотическая моральная сила русского народа”: “Но наши ярко продемонстрировали, что *русский дух* сильнее всякой брони” (Смешались в кучу танки, люди... // “Комсомольская правда”, 11.06.2013); “Он чернул *русский дух* в нашу сборную” (Первые отклики. “Приятно смотреть, когда наши бьются, как львы!” // Советский спорт, 20.06.2008); “Это явление не просто всколыхнуло *русский дух* – между властью и народом был переброшен “крымский” мост” (Сергей Подосенов, Петр Козлов. Общественная палата просит отложить создание игорной зоны в Крыму // Известия, 24.04.2014).

Помимо этого, имеет место и эксплицируемое фразеологизмом значение “безрассудство, необдуманность действий”: “...*русский дух*, ментальность нашего народа, всегда надеющегося на авось и готового плыть куда угодно, только бы найти землю, где молочные реки и кисельные берега” (Гаврилов Владимир. “Авось” – это так по-русски // Труд-7. 27.02.2006).

Немаловажной представляется зафиксированная в газетном корпусе контаминация фразеологизма “*русский дух*” и составного наименования “*русский язык*” в единый смысловой комплекс: “Растроганная учительни-

ца из Крыма пообещала сохранить там “русский язык и русский дух” (Лариса Кафтан. Владимир Путин: Кое-кто хочет разделить нашу страну // Комсомольская правда, 06.11.2007).

Большинство авторов употребляют словосочетание “русский дух”, эксплицируя контекстуальную связь с цитатой из известного произведения А. С. Пушкина “Там русский дух, там Русью пахнет” в нетрансформированном либо трансформированном виде: “Почти половина инвестиций в Москву – из Германии <...> можно сказать сейчас о немецкой столице, что “здесь русский дух, Москвою пахнет” (Виктория Баркова. Юрий Лужков переехал на берега Шпрее // Труд-7, 04.07.2003).

Имеют место смежные прецедентные высказывания иронического характера: “Остался ли всё же в нас “русский дух” или таковым в Москве уже и не пахнет?” (Татьяна Савельева. Пенсионеры не дремлют // “Столица”, 17.06.1997).

Следует отметить, что в газетном корпусе зафиксированы собственные составные наименования – название мужской коллекции известного дизайнера Макса Черникова “Русский дух”, название выставки “Русский дух в Хельсинки”.

Таким образом, репрезентация лексического значения фразеологизма “русский дух” в современном русском языке определена расширенным смысловым полем, включающим семантические компоненты амбивалентного характера: в ядерной части смыслового поля – “религиозность”, “духовность”, “особенный Свет / свет”, “русское национальное самосознание”; в периферийной части смыслового поля – “русский язык”, “исключительная эмоциональность и редкий аскетизм”, “индивидуальный духовный стиль” / “высокотонный, презрительный стиль общения”, “зловонный запах / бескультурный, безнравственный стиль жизни”, “низкопоклонство перед Западом”, “безрассудство, необдуманность действий”. В контексте словоупотреблений отмечена полифункциональность фразеологизма, включённость в языковую игру, контаминированные и прецедентные модели. Декодирование приведённых высказываний детерминирует достоверность репрезентации названных компонентов смыслового поля.

#### Литература

1. Вяничева, Т. В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Вяничева. – Томск, 2000. – 344 с.
2. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь : в 3 т. / М. И. Михельсон. – СПб., 1896–1912.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
4. Климовская, Г. И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) / Г. И. Климовская // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3 (4). – С. 44–54.

5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studiorum-guscoproga.ru>. – Дата доступа: 12.08.2018.

6. Стародубец, С. Н. Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Вестник Московского государственного областного университета. – М. : МГОУ, 2008. – № 3. – С. 100–106.

7. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов [и др.]. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз. : Медиа, 2007. – 334 с.

*Сунь Юань*

## **ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Лингвистика эмоций, изучающая эмоционально-оценочную лексику, которая занимает значительное место в системе современного русского языка, берет свое начало от давней дискуссии ученых о том, должно ли языкознание уделять внимание эмоциональным составляющим языка. Довольно длительное время ученые-лингвисты расходились во мнениях в решении этого вопроса. Так, К. Бюлер, Э. Сечир, Г. Гийом отмечали, что доминирующей является когнитивная функция языка, поэтому изучение эмоционального компонента необходимо исключить из языковых исследований. Однако уже Ш. Балли, Ван Гинненкен, М. Бреаль считали выражение эмоций центральной функцией языка [1].

Действительно, язык служит, прежде всего, для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их передачи поколениям, но все эти процессы непременно сопровождаются чувствами, переживаниями, эмоциями и потому не могут не учитываться лингвистикой. Современное русское языкознание добилось значительных успехов в изучении эмоционально окрашенной лексики. Опережая западноевропейских и американских лингвистов, у истоков нового, эмотиологического направления стали В. А. Мальцев, С. Б. Берлинзон, М. Д. Огородникова, Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Павлова, О. И. Быкова, Н. М. Михайловская, В. И. Шаховский и др. Благодаря этим ученым в современной лингвистике, которая еще в конце XX в. была замкнута в рамках системно-структурной парадигмы, сложились подходы к разработке проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

История развития лингвистики эмоций делится на четыре этапа.

1. Начало XX в. – 50-е гг. XX в. Это период зачаточного состояния лингвистики эмоций, когда исследования в этой сфере только начали отделяться от исследований в сфере грамматики.